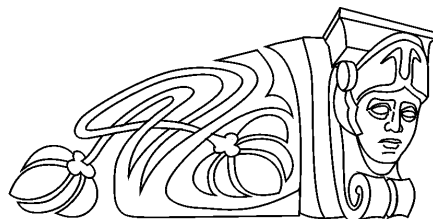

УДК 821.161.1.09-3+929Пушкин

Специфика нарративной модальности прозаических отрывков А. С. Пушкина

М. В. Устратова

Устратова Мария Викторовна, аспирант кафедры русского языка и литературы, Псковский государственный университет, marius1888@rambler.ru

Статья посвящена категории нарративной модальности прозаических отрывков Пушкина. Делается вывод о том, что в отрывках преобладает внутренняя фокализация и гомодиегетический повествователь, обнаруживающий себя эксплицитно. Внешняя фокализация реализуется в рассказчике, специфика которого заключается во всеведении поступков, действий героя, но в неполном знании его внутреннего мира, эмоций и чувств.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, прозаический отрывок, модальность, тип фокализации, повествователь.

Specific Character of the Narrative Modality of Pushkin's Prose Fragments

M. V. Ustratova

Maria V. Ustratova, <https://orcid.org/0000-0002-7464-9174>, Pskov State University, 2 Lenin Sg., Pskov 180000, Russia, marius1888@rambler.ru

The article deals with the features of the narrative modality category in Pushkin's prose fragments. It is concluded that the internal focalization and a homodiegetic narrator dominate in the fragments, the latter explicitly reveals himself through self-presentation. External focalization is actualized in the narrator with the help of the third-person narration. The narrator's specific features comprise his omniscience of the hero's steps and actions, and his ignorance of the hero's inner world, emotions and feelings.

Keywords: A. S. Pushkin, prose fragment, modality, type of focalization, narrator.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-134-138>

Современная нарратология представляет собой обширную область для исследования. Проблем, связанных с особенностями повествования, в разное время касались многие ученые: М. М. Бахтин, Р. Барт, У. Бут, В. В. Виноградов, Л. Долежел, Ж. Женетт, В. Изер, Я. Линтвельт, Н. А. Кожевникова, Б. О. Корман, В. Шмид, Ф. Штанцель и другие, которые выработали представление о «художественном произведении как о целостной речевой структуре, все элементы которой в конечном счете обусловлены единым организующим центром – образом повествователя»¹.

Определить специфику повествовательной системы писателя – значит, приблизиться к пониманию своеобразия его поэтики и стиля, поскольку воплощение художественного замысла

связано с фигурой нарратора, который берет на себя функции автора, рассказчика, героя, а также выступает в роли объединяющего элемента различных уровней текста: сюжетного, смыслового, образного и др.

В 1966 г. Ц. Тодоров выделил три категории проблем повествования: категорию времени, категорию аспекта, категорию модальности². Мы обращаемся к категории модальности, т. е. «типу дискурса», используемого повествователем, который получает специфическое преломление в зависимости от художественных установок автора.

В данной работе рассматривается категория нарративной модальности прозаических отрывков Пушкина: «Наденька» (1819), «Гости съезжались на дачу...» (1828–1830), «В начале 1812 года...» (1829), «Записки молодого человека» (1829–1830), «На углу маленькой площади...» (1829–1831), «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830), «Отрывок» (1830), «Повесть из римской жизни» (1833–1835), «В 179* году возвращался я...» (1835), «Мы проводили вечер на даче...» (1835).

Согласно Ж. Женетту, нарративная модальность предполагает, что художественное повествование ведется с определенной точки зрения, регулирующей подачу информации, и воспринимается реципиентом как отстоящее на дистанцию от излагаемого. Иными словами, модальность – это способ организации повествования относительно того субъекта, с чьей точки зрения строится дискурс³.

Один из центральных вопросов категории нарративной модальности затрагивает так называемую «точку зрения», для которой Ж. Женетт использует термин «фокализация», выделяя три способа изложения относительно того субъекта, которому принадлежит видение события (нулевая фокализация, внешняя, внутренняя).

Обратимся к типу регулировки нарративной информации посредством внешней фокализации, соответствующей «нарративной ситуации» повествования от третьего лица. Повествовательная инстанция, присутствующая в тексте имплицитно, обозначена В. Шмидом как недиегетический нарратор⁴, который, не называя себя, рассказывает о ком-то. Специфика подобной нарративной стратегии заключается во всеведении поступков, действий героя, но в неполном знании его внутреннего мира, эмоций, чувств.

К данной нарративной ситуации мы отнесли прозаические отрывки Пушкина: «Наденька», «На углу маленькой площади...», «Мы проводили вечер на даче...».

Выбор Пушкиным внешней фокализации повествования находим в отрывке «Наденька», в котором наблюдается нулевая самопрезентация героя. Объективный взгляд нарратора – стороннего наблюдателя, не принадлежащего к числу действующих лиц, – рисует реалистичную картину карточной игры, раскрывая нравы «ветреной», любящей развлечения светской молодежи. Их общество предстает обезличенным, «механистическим», действующим по команде: «Не пора ли оставить игру?» – «Все бросили карты, встали из-за стола, всякий, докуривая трубку, стал считать свой или чужой выигрыш; поспорили, согласились и разъехались»⁵ (здесь и далее курсив наш. – М. У.).

По замечанию Н. Н. Петруниной, «<...> точное воспроизведение обстановки и среды <...> представляло для Пушкина самостоятельный интерес»⁶, поэтому в отрывке повествователь соблюдает бытовую полноту и описывает жизнь «как она есть», в соответствии с модальностью «чистого повествования»⁷, необходимым условием существования которого является названный Бартом «эффект реальности»⁸. Внимательный нарратор с точностью воссоздает атмосферу, царящую вокруг игроков, указывая на мельчайшие детали: «Тузы, тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались веером, и облако стираемого мела мешалось с дымом турецкого табаку» (401). Столь реалистичное изображение создает у читателя ощущение присутствия в этой наполненной табачным дымом комнате с проносящимся перед глазами белым облаком только что стертых очков.

«Всеведущий» повествователь, которого Г. А. Белая определяет как «нравственный голос героя»⁹, следует за персонажами подобно «незримому спутнику». Так, пространственные позиции рассказчика и героя совпадают. Дойдя до той грани, когда повествование обретает относительную законченность, нарратор обрывает его.

Тип повествования с внутренней фокализацией в начальной фразе отрывка из жизни света «Мы проводили вечер на даче у княгини Д...» (420), подчеркивающей, что нарратор *один из* числа присутствующих на вечере, сменяет внешняя фокализация.

Повествователь, начиная излагать события светского вечера, устраняется. Имплицитный нарратор обезличен, он не дает оценок, объяснений, не проявляет себя в речи: сухо обозначает действия людей и точно передает диалоги. Со слов непредвзятого стороннего наблюдателя который копирует разговор, ведущийся между двумя персонажами «вполголоса», но уклоняется от его интерпретации, читатель получает представление о жизни светского общества.

Рассмотрим подробнее с точки зрения нарративной модальности отрывок «На углу маленькой площади...». Во вступительной части первой главы повествователь характеризует место действия.

Фокус внимания рассказчика, переходящий от общего к конкретному, соответствует принципу перевернутой пирамиды: описана «маленькая площадь» (143), затем появляются карета, спящий кучер, играющий в снежки форейтор, «деревянный домик» (143), и в завершение дается изображение комнаты.

Подобное вступление захватывает внимание реципиента, который, попав в тихую гостиную, обставленную со «вкусом и роскошью», где находятся «бледная дама, уж не молодая» и «молодой человек лет 26-ти» (143), становится свидетелем беседы, в ходе которой выясняется противоположность жизненных позиций героев.

Валериан Володский – светский человек: «Я человек светский и не хочу быть в пренебрежении у светских Аристократов. Мне дела нет ни до их родословной, ни до их нравственности» (143), который приходит в негодование от того, что не приглашен на вечер к князю Горецкому, по его словам, «известной скотине» (143). Вольской, порвавшей связи с обществом и независимой от мнений света, трудно понять устремления Валериана. Повествователь оставляет за текстом обстоятельства, при которых герои познакомились, не известны причины, связывающие их.

Присутствие нарратора в отрывке «На углу маленькой площади...» нулевое: он говорит не о себе, а лишь рассказывает, а точнее, различными способами «показывает» взаимоотношения двух людей.

С окончанием первой главы повествователь оставляет Зинаиду за письменным столом. Если прежде форма повествования делала читателя очевидцем происходящего, то во второй главе рассказчик сухо перечисляет последующие события в жизни персонажей: Вольская, объявив мужу о нелюбви и желании развестись, переехала к Володскому; Валериан «был в отчаянии», но «притворился благодарным и приготовился на хлопоты <...>, как на занятие должностное <...>» (145). Здесь внешняя фокализация повествования не допускает реципиента к знанию истинных чувств, переживаний героев, поскольку, согласно уравнению Ц. Тодорова, «Повествователь < Персонаж (повествователь говорит меньше, чем знает персонаж)»¹⁰. Как видим, авторский выбор регулировки нарративной информации посредством внешней фокализации отвечает нарративной модальности, обозначенной в работах Г. Жеймса как «Showing» (показ)¹¹, основные признаки которого сводятся к количеству нарративной информации и наличию повествователя. Автор о предмете говорит много, а о факте своего говорения мало¹².

Рассмотрим применение в отрывках Пушкина внутренней фокализации, принцип которой заключается в формуле «Telling'a» (рассказа). Гомодиегетический нарратор (присутствующий в качестве персонажа в рассказываемой им истории) обнаруживает себя в повествуемом мире экспли-

цитно, посредством самопрезентации, оценки и комментирования событий.

Тип повествования с внутренней фокализацией ярко представлен в прозаическом отрывке Пушкина «Участь моя решена. Я женюсь...», в котором нарратор – главное действующее лицо. Данная «нарративная ситуация», согласно типологии Ц. Тодорова, соответствует трехчленной формуле «Повествователь = Персонаж»¹³.

Автобиографическое описание фокализовано на персонифицированном нарраторе – потенциальном женихе, который присутствует и в акте повествования, и в художественном мире произведения, что определяет субъективизм повествования: происходящие события даны через призму сознания говорящего.

Если код внешней фокализации позволяет опускать какие-либо описания, действия и т. д. из-за ограниченного знания рассказчика, то авторский выбор внутренней фокализации, реализующейся в форме внутреннего монолога, дает повествователю отрывка возможность открыто рассказывать о своей беспечной жизни до свадебных событий. Несмотря на то что повествователь не называет возраста, не дает себе прямых характеристик, черты личности проявляются в его поступках и суждениях: это человек независимый, беззаботный, ветреный, но искренне любящий свою избранницу (она «ангел») и задумывающийся об обязанностях, которые возложит на него женитьба.

Тип нарративной полимодальности (совмещения двух фокализаций) представляет повествование «Отрывка» («Несмотря на великие преимущества...»).

Внутренняя фокализация условно создает раму: повествование начала и конца отрывка ведется от лица гетеродиегетического нарратора (отсутствующего в рассказываемой им истории), который индивидуальными чертами не наделен, открыто не самопрезентуется. Во введении нарратор рассуждает об участии поэтов, прибегая к использованию повествовательной формы «мы»: «<...> мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем» (409), которая в данном случае приравнивается к «я», подразумевая конкретного человека. При сопоставлении с повествованием в других отрывках: «Мы проводили вечер на даче», «Цезарь путешествовал, мы следовали за ним издали», обнаруживается, что «мы» – это нарратор, включенный в группу людей.

За ироническим замечанием, что единственный плюс, который имеют стихотворцы, грамматического свойства, следует утверждение о том, что главные проблемы жизни поэтов кроются в гражданском ничтожестве, бедности, зависти и насмешках. Поскольку повествователь не имеет отношения к литературной среде и его осведомленность ограничена, он лишь комментирует события, демонстрируя взгляд «извне».

В центральной части «Отрывка» нарратор с целью сближения повествования с реальностью вынужден вторгнуться в сознание нефокального персонажа. Так, слова рассказчика о несправедливом отношении к поэтам подтверждаются жизнью: в рамках внешней фокализации на первый план выдвигается описание жизни друга-стихотворца: «Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец» (410).

Последний абзац «Отрывка», подчеркивая непричастность повествователя к приведенным суждениям, представляет собой слова издателя: «Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести <...>. Мы не хотели его уничтожить...» (411).

В отрывках «Часто думал я», «Участь моя решена...», «Отрывок» нельзя не отметить повествовательной особенностью, связанной с сознательной ориентацией нарратора на непринужденный устный рассказ, который создается благодаря введению риторических и стилистических приемов, свойственных разговорной речи. Повествователь активно применяет элементы имитации общения, соответствующие схеме речевого акта: «...я (говорящий) сообщаю тебе (слушателю) о нем (предмете, лице, событии)»¹⁴. Это риторические вопросы, косвенные обращения к читателю: «*Признаюсь*, это начинает мне надо-едасть» (408), пояснения, страстные восклицания и т. д. Специфика дискурса с установкой на устную речь сближает повествование с действительностью, настраивает на доверительную беседу и увеличивает степень читательского соучастия.

Внутреннюю фокализацию как принцип нарративной модальности и гомодиегетического нарратора находим в отрывках: «Записки молодого человека», «В 179* году возвращался я...», «В начале 1812 года», которые объединяет сходство повествовательной манеры.

Отрывки начинаются, как хроника, с даты, что подчеркивает ретроспективность изложения: «4 мая 1825 г. произведен я в офицеры» (403); «В 179* году возвращался я в Лифляндию» (404); «В начале 1812 года полк наш стоял» (402).

В двух отрывках нарратор прямо сообщает о своем возрасте: 23 года герою отрывка «В 179* году возвращался я...» и 20 лет рассказчику в отрывке «В начале 1812 года...». В «Записках молодого человека» возраст не уточнен, но, судя по тому, что герой «произведен в офицеры», можно сделать вывод о его молодости.

В отрывке «Записки молодого человека» нарратор повествует о себе как об участнике события и уже во вступительной части размышляет об изменениях, которые произойдут в его жизни в связи с получением нового звания. Радость предвкушения свободы и жажда приключений, а позднее чувство разочарованности открывают в нарраторе черты романтической натуры.

Внезапная остановка героя в пути обуславливает переход повествования в реалистический

этиод: основное содержание отрывка сосредоточивается на описании и субъективной оценке мира почтовой станции: «Какая скука!» (404).

Герой отрывка «В 179* году возвращался я...» является его рассказчиком. В ситуации со словившейся бричкой юноша, которого отличает оптимистический взгляд на мир, также становится наблюдателем деревенской жизни, однако он подробно вырисовывает уютную обстановку в господском доме, накрытый стол, приятных ему людей: «добрую старушку» Каролину Ивановну и ее «милую дочь».

Нарратор отрывка «В начале 1812 года...» – человек, принадлежащий к обществу молодых двадцатилетних обер-офицеров и уездных помещиков, – ведет большую часть повествования от первого лица множественного числа: «наш полк», «мы проводили время». Дважды встречается форма первого лица единственного числа: «мои товарищи», «каждая безделица <...> для меня памятна и любопытна», таким образом, нарратор, как не сторонний наблюдатель, подчеркивает свою близость развернувшимся событиям.

Можно сказать о том, что названные отрывки отличает тождество манеры авторского повествования от первого лица, подобие начальных ситуаций, дающих указание на время, когда происходят события, сходство сюжетных компонентов: место действия – почтовая станция; месяц – май; общая ситуация – герои изолированы на станции из-за проблем с перекладными. Однако в зависимости от художественных задач Пушкина мир воспринимается повествователями по-разному. Презентация действительности в художественном произведении зависит от личностных качеств находящегося в ней нарратора и его точки зрения. Очевидно, что расстановка смысловых акцентов, восприятие событий у каждого героя своя.

В ходе рассмотрения прозаических отрывков мы выяснили, что зачастую выбранный автором принцип нарративной модальности не всегда в художественном тексте остается неизменным. Так, ситуацию смены фокализации находим в отрывке «Повесть из римской жизни», который представляет собой воспоминание о «печальном дне».

С точки зрения типов нарративной модальности в структуре отрывка условно можно выделить две части. Изложение первой в соответствии с внешней фокализацией принадлежит члену свиты Петрония: «Мы с Титом Петронием следовали за ним издали» (387), что объясняет использование формы «мы» и сухое перечисление событий: мы «следовали», «беседовали», «изъявили желание остаться» и т. д.

Смена фокализации во второй части отрывка, как нам кажется, связана с тем, что повествователь, присутствующий в действии как персонаж, меняет роль стороннего очевидца на роль человека, искренне любящего Петрония. Теперь происходящие события рассматриваются «изнутри» глазами друга. Повествователь, делясь

своими переживаниями, переходит на рассказ от лица «я»: «не мог уснуть», «нашел», «я уважал его ум», продолжает описывать и комментировать происходящее, вместе с тем давая характеристику Петронию, раскрывающую величие его духа.

Неизвестный повествователь не сообщает о себе никаких сведений, однако во второй части отрывка у реципиента появляется возможность создать психологический портрет рассказчика, который на основании косвенно звучащих оценок и переживаний проявляет качества тонко чувствующего друга Петрония.

Пушкин утаивает душевное состояние Петрония, его мысли неведомы и повествователю, который не до конца понимает сложившуюся ситуацию после сцены с гонцом: «Мы были поражены ужасом» (387), в то время как сам Петроний равнодушно выслушал веление цезаря вернуться, отвечал с улыбкой. Нарратор дает только информацию, предлагая проницательному читателю интерпретировать и верно ее расшифровать.

Итак, повествовательная манера является прямым выражением особенностей индивидуальной поэтики и стиля писателя. В данной работе мы акцентировали внимание на принципах выбора Пушкиным в прозаических отрывках позиции повествователя.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в прозаических отрывках Пушкина нет осложнения повествовательных инстанций, изменения «точки зрения». Модальность пушкинских отрывков различна: введение нарратора, принимающего участие в действии, обуславливает субъективизм повествования, присутствие же нарратора – стороннего наблюдателя – объективную повествовательную форму.

В текстах, повествование которых организовано по принципу внешней фокализации, и, соответственно, «<...> автор как первичный субъект сознания предельно умален в своем прямом, видимом, присутствии»¹⁵, положение нарратора трудно определимо, невозможно ответить на вопрос: кто говорит? Поскольку Пушкин сужает «повествовательное поле» пределами восприятия и мышления анонимного рассказчика, то отрывок отличает философская «беспристрастность» изображения моментов жизни.

Подобная стратегия повествования, когда художественное слово отдано повествователю-очевидцу, который изображает события объективно, позволяет Пушкину будто отодвинуть свою личность в тень, тем самым уклониться от значимости произнесенных нарратором слов. Повествование с очевидной авторской ноль-позицией¹⁶ наблюдается у Пушкина, например, в отрывках о жизни светского общества.

Как мы выяснили, в прозаических отрывках с внутренней фокализацией повествователь, который высказывается от первого лица, в соответствии со схемой «я повествую о себе»

персонифицирован: друг, жених, офицер и т. д. Монолог, самопрезентация, исповедальность, отличающиеся субъективной оценкой действительности и ограниченные личным опытом рассказчика, позволяют читателю воспринимать изображаемое как реальность. Вариант, когда в роли повествующей инстанции выступает непосредственный участник событий, с одной стороны, дистанцирует самого Пушкина от истории, а с другой – мотивирует естественность и эмоциональную напряженность речи героя, который «высказывает все начисто».

Речевое поведение нарратора в отрывках, которое мы условно детерминировали как «болтовня», сближает вымысел с действительностью. «Нарративная стратегия» Пушкина характеризуется простотой, непринужденностью и выразительностью речи, что создает впечатление доверительной, свободно текущей беседы, перенесенной из жизни на страницы книги.

Таким образом, большая часть незавершенных прозаических сочинений Пушкина, отвечая эффекту «беседности»: я рассказываю для другого, – предполагает акт коммуникации и создает эффект присутствия, что повышает уровень доверия реципиента, способствуя интерактивности, двустороннему взаимодействию нарратора и его потенциального собеседника.

Примечания

- ¹ Васильева Л. Типология повествовательных форм в прозе (на материале русской и чувашской литературы) // Вестн. ЧГУ. 2006. № 6. С. 115.
- ² См.: Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм : «за» и «против». М., 1975. С. 87.
- ³ См.: Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 180.
- ⁴ См.: Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 185.
- ⁵ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 8. М. ; Л., 1939. С. 401. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁶ Петрунина Н. Проза А. С. Пушкина. Л., 1987. С. 22.
- ⁷ Женетт Ж. Указ. соч. С. 181.
- ⁸ Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 394.
- ⁹ Белая Г. Литература в зеркале критики : Современные проблемы. М., 1986. С. 76.
- ¹⁰ Тодоров Ц. Указ. соч. С. 109.
- ¹¹ Женетт Ж. Указ. соч. С. 181.
- ¹² Там же. С. 184.
- ¹³ См.: Тодоров Ц. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁴ Солганик Г. Стилистика текста. М., 2001. С. 12.
- ¹⁵ Спивак Р. Русская философская лирика. Красноярск, 1985. С. 55.
- ¹⁶ См.: Журчева О. Монодрамы Вадима Леванова и ситуация наррации // Вестн. СамГУ. 2015. № 11. С. 133–138.

Образец для цитирования:

Устратова М. В. Специфика нарративной модальности прозаических отрывков А. С. Пушкина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 134–138. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-134-138>

Cite this article as:

Ustratova M. V. Specific Character of the Narrative Modality of Pushkin's Prose Fragments. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 134–138 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-134-138>
